

К НАМ В ГОРОД, НА ГАСТРОЛИ

ТЕАТР французских РАБОЧИХ

РУКОВОДИМЫЙ Роже Планшом Театр де ля Сите (театр города) — самый молодой из французских театральных коллективов, с которыми нам довелось встретиться в последние годы.

В первый день своего знакомства с Ленинградом молодые французы предъявили свою визитную карточку, на которой было написано: «Тартюф» Мольера. Начать с «Тартюфа» — значило начать с самой высокой нотой. И то, что театр легко и свободно, без фальши и надраса взял эту ноту, доказало, что он полон гражданских и творческих сил, что он театр-поин, имеющий свою отчетливую общественную и творческую программу.

Театр родился всего лишь шесть лет тому назад в рабочем районе Анона Вилларбана, вырос из маленького любительского театра, игравшего в помещении саесарной мастерской, переоборудованной в зал на 98 мест. Его создатель и бессменный руководитель — 26-летний Роже Планшон, в недалеком прошлом банковский служащий. В 1957 году муниципалитет рабочей окраины доверил ему организацию первой постоянной труппы в провинции Франции. Театр быстро сумел стать творческим органом, достойным своего зрителя — пролетариев одного

из крупнейших промышленных центров Франции. Он сменил свое крохотное помещение на зрительный зал в 1.800 мест.

Коллектив не пошел по дорожке дешевого, растлевающего душу модернизма. Его язык — язык новаторства, питаемого не позерством формалистического искусства, а полнокровным ощущением жизни, этим главным источником

всех настоящих достижений в области искусства. Образец такого молодого и полнокровного новаторства — спектакль «Тартюф».

Трехсотлетняя давность пьесы не стала помехой для современного звучания гениального памфлета, написанного великим правдолюбцем. Выбор коллективом «Тартюфа» — это не дань классическому наследию. Нет, это гневное, общественное, политическое выступление против сегодняшних французских тартюфов, которые, спекулируя на высоких словах о чести, о великой родине и божественной воле, хотят замаскировать свои темные политические махинации и законать свободолюбивый французский народ в кандалы фашистского мракобесия. Мы увидели спектакль, в котором сквозят костюмы и быт XVII столетия все время выглядывает лукавое и умное лицо сегодняшней Франции. Планшон снял с произведения Мольера весь парост внешних театральных традиций. Вместо условных масок на подмостках сцены — живые люди, исполненные страсти, гнева, любви и ненависти.

Процесс разоблачения Тартюфа — жестокий бой, развернувшийся в семье Оргона, хитрость и коварство умного прага, его сила и умение изворачиваться, агать,

лавировать, играть на добрых чувствах и лицемерить великолепно воплощены Театром де ля Сите. Коллектив сумел показать трудности боя с таким врагом, необходимость мужества, дальновидности, настойчивости и последовательности в этой борьбе.

Спектакль Планшона современен в самом высоком прогрессивном, общественном смысле этого слова. Он начинается по-брехтовски запавесом — огромной фоторепродукцией деталей классической религиозной картины. Мы видим гигантскую, исполненную страдания фигуру Спасителя, только что снятого с креста. Все самые циничные, лицемерные сцены Тартюфа в спектакле идут на фоне развешанных по стенам дома Оргона таких вот огромных фоторепродукций классических полотен, повествующих о страданиях Христа.

В образе Оргона, созданием талантливым Жаком Дебарн, много обаяния, жизнелюбия, искренности и ума. Не удивительно, что так спланируется вся его семья, спасая человека, попавшего в ловушку преступника и шарлатана, разглагольствующего о любви и высоком подвиге самопожертвования. Ум, обаяние и стойкость борцов — членов семьи Тартюфа — всячески подчеркнуты театром. Эти качества великолепно раскрываются и в любящей мужа Эльмире (Анук Фержак), во вспыльчивом, как порох, искреннем и добром юноше Дамисе (Жан-Мари Лансело), и в очаровательной, павной и мужественной Маргарите (Мирель Кальво), и в умном, жгучим и сдержанным Клеанте (Жерар Гийома), и в великодушной Лорине (Франсуа Сеньи). Они борются против Тартюфа не во имя своего благополучия, а во имя победы правды и справедливости. Это не комические персонажи, а люди, способные драться и, если нужно, умереть за свои принципы. Живое, талантливое, страстное раскрытие этих гражданских и человеческих качеств героев Мольера и явилось подлинным открытием молодого театра. Такое решение спектакля подсказано окружающей жизнью и ответственностью художника перед своим народом.

«Ну, а Тартюф?» — спросит читатель вместе с Оргоном. Тартюф Мишеля Оккера одарен волей, силой и огромным актерским талантом. По внешнему виду этот Тартюф — отнюдь не явный подлец. Напротив, в нем много обаяния, ума, простоты и достоинства. Он очень хорошо знает людей, их слабости, предрассудки и великолепно использует это свое знание. Он ничем не отличается от окружающих его. И в этом его сила. Тартюфа выдают (правда, очень редко) его глаза и руки. Руки стяжателя, убийцы, лихонца, сладострастника и червоугодики. Чаше всего он прячет их под кружевом манжет, но все же они бросаются в глаза, когда касаются обнаженного плеча Эльмиры, сжимают шелковую обивку кушетки или механически поглаживают корешок Библии. Они становятся пластичными и жестокими, когда Тартюф получает дарственную на дом Оргонов. Его глаза — глаза хищника. Когда на него не смотрят, жестоко и внимательно разглядывают и оценивают противника, но чаще они глядят на собеседника открыто и честно или скромно опускаются долу. Тартюф Мишеля Оккера имеет одно уязвимое место — он любит Эльмиру. Да, любит! Как ни странно, но Тартюф Оккера «умеет любить». И это человеческое чувство предает его, оно оказывается сильнее его осторожности, выдержки и расчета.

Спектакль Планшона начинается

как комедийный и смешной, но все сильнее и сильнее звучат в нем ноты гнева и тоски, которые достигают кульминации в талантливом решении заключительной сцены. Финал спектакля, сцена ареста Оргона построенные драматически, почти трагедийно. Великолепно найдена атмосфера смертельной опасности, нависшей над семьей Оргона. Выхода как будто нет. И здесь перед театром возникает самая главная трудность: заставить зрителя поверить в неожиданно пришедшее спасение.

В пьесе Мольера есть персонаж — офицер, который обаяет королевскую волю об аресте Тартюфа. Как убедительно показать его? Правда жизни, воссозданная в спектакле, не ужилась бы с условным приемом, введенным Мольером. Как преодолеть современному театру эту вынужденную слабость финала? Ведь так хочется, чтобы все изобличительные фразы, принадлежащие Мольеру, прозвучали не из уст вышкоченного офицера! И Планшон находит великолепный выход. Он выводит на сцену самого Мольера! Да, в обличье королевского офицера мы легко узнаем умное, провинческое и спокойное лицо великого знатока и судьи человеческих душ. Мольер, надевший на себя «для маскировки» королевский мундир, — это символ и стиль всего спектакля.

Если бы Жан Батист Мольер был жив, он бы крепко обнял молодого и такого одаренного режиссера Франции. Мы же с благодарностью пожимаем его честную, товарищескую руку.

Р. СУСЛОВИЧ,
режиссер Академического театра
драмы имени А. С. Пушкина